

Тун Цинхэ играл на кровати с красным нефритовым кулоном, который дала ему сестра. Нефрит был прозрачным, блестящим и гладким, на ощупь скользким и нежным. Сначала он был холодным, но постепенно ощущалось нарастающее тепло, словно он вот-вот выпустит масло.

Тун Цинхэ увлёкся игрой, его ноги покачивались. Цзян Шаочжи вошёл в комнату с чашкой тёплого молока. Он увидел, что его маленький омега на большой кровати поднял одну ногу, нежную и белоснежную, как бараний жир. Одежда была сброшена. В процессе ворочания короткие, свободные пижамные штаны и рубашка слегка задрались.

Он молча стоял у двери, наблюдая. Тун Цинхэ почувствовал на себе взгляд и поспешно опустил поднятую ногу с колен.

Цзян Шаочжи спросил:

— Что это?

Он не дал чашку Тун Цинхэ, а сам, в том же положении, кормил его молоком, глоток за глотком.

Уголки рта Тун Цинхэ были запачканы белым молоком. Цзян Шаочжи указал на это. Тот недоумённо посмотрел, потом понял. Он уже собирался слизать молоко языком, как перед его глазами внезапно потемнело. Цзян Шаочжи повернул его тело, и тёплое, сухое прикосновение пришлось по его губам. Феромоны альфы буквально лишили его чувств.

Ладонь Тун Цинхэ лежала на груди Цзян Шаочжи. Его сердце билось уверенно, но постепенно ускорялось.

Сердцебиение у них обоих участилось. Тун Цинхэ внезапно вспомнил предыдущие дни. По его телу пробежал электрический разряд. Размышления, которые он вёл в последние два дня во время восстановления, в одно мгновение разбились вдребезги под натиском желания, когда он был рядом со своим альфой.

Он был немного взволнован и одновременно чувствовал беспричинную печаль.

Цзян Шаочжи прекратил движение. Его палец погладил покрасневший уголок глаза Тун Цинхэ:

— Тун-Тун, что случилось?

Альфа не мог чувствовать то же самое. Цзян Шаочжи был немного неуклюжим. Он тихо утешал:

— Не грусти, малыш.

Его ладонь легла на спину Тун Цинхэ и похлопывала его, как ребёнка. Тун Цинхэ попал в бесконечную зависимость, но в то же время хотел отстраниться. Он то хмурился, то бормотал.

Цзян Шаочжи вытащил нефритовый кулон, который он держал в руке:

— Что это?

Тун Цинхэ замялся, потом объяснил:

— Приданое от маленького отца...

Цзян Шаочжи:

— ...Очень красивый кулон. — Он надел его Тун Цинхэ на шею. Ярко-красный нефрит украшал белую, тонкую шею. Цзян Шаочжи наклонился, нежно прикусил белую, мягкую кожу рядом с кулоном и поцеловал её. Он смотрел на Тун Цинхэ, в его глазах была искренняя, благоговейная нежность.

Тун Цинхэ тут же покраснел. Всякий раз, когда он видел Цзян Шаочжи в таком состоянии, он чувствовал, будто приручил свирепого зверя. Он вспомнил вопрос, который задала ему сестра перед уходом: хочет ли он выйти замуж за Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ был в замешательстве. Цзян Шаочжи не стал добиваться большей близости. Он велел ему хорошо отдохнуть и восстановить силы.

Восстановить силы...

Тун Цинхэ неожиданно подумал о другом. Рука, спрятанная под одеялом, незаметно скользнула к его животу. Он помнил, что они с Цзян Шаочжи не использовали никаких мер предосторожности. Учитывая частоту за эти семь дней, что, если у него в животе поселился маленький ребёнок?

Как у Юй Сяокэ...

С этой маленькой мыслью Тун Цинхэ, обнимая живот, заснул в тёплых объятиях альфы. Когда он заснул, Цзян Шаочжи внезапно приподнял уголок одеяла и посмотрел на живот Тун Цинхэ, который тот специально обхватил, задумчиво.

Днём Цзян Шаочжи должен был провести несколько тренировок в военном округе. Тун Цинхэ остался дома, готовясь к собеседованию в Институт.

Его феромоны стабилизировались. После того как омега полностью помечен, его железа закрывается. Кроме ежегодного гона в то же время, он не будет подвержен влиянию феромонов других альф. Он также сможет лучше контролировать свои феромоны, чтобы

справляться со случайными волнами течи.

Профессор связался с ним по видеосвязи. Тун Цинхэ обсудил с ним некоторые вопросы в кабинете. После разговора вошёл Цюцю с только что приготовленными закусками и с радостью накормил своего маленького хозяина.

Цюцю провёл измерение показателей Тун Цинхэ. Результаты показали, что несколько показателей отклонились от нормы и были низкими. Это очень опечалило робота. Он немедленно разработал несколько богатых питательными веществами меню для Тун Цинхэ.

Днём ему позвонили Цзян Юю и Юй Сяокэ, спросив, безопасно ли он пережил гон, и могут ли они втроем собраться.

Тун Цинхэ уже отправил диссертацию. Оставалось только дожидаться уведомления и подготовиться к собеседованию. Он попросил Цюцю приготовить ему повседневную, лёгкую одежду. Цюцю отвёз его по знакомому маршруту к месту встречи. Они договорились, что он вернётся за ним через четыре часа.

Утром прошёл дождь, и воздух был влажным. Трое омег в баре привлекали всеобщее внимание.

Но, к сожалению, один из этих омег излучал мягкое сияние после беременности. От другого вообще не пахло омегой, что означало, что он был полностью помечен.

Оставшийся омега выглядел мятежным и диким. У него были рваные дыры на штанах ниже колен, маленькая кожаная куртка, два браслета, инкрустированных сияющими бриллиантами, и круто окрашенные серебристо-фиолетовые волосы. Было очевидно, что он был «диким» омегой. Выражение его лица было свирепым. Стоило любому проходящему альфе посмотреть в их сторону, Цзян Юю немедленно свирепо смотрел в ответ. Он явно не ладил с альфами.

Тун Цинхэ и Юй Сяокэ молча смотрели на альф, которых Цзян Юю прогнал взглядом:

— ...

Придя на место, Цзян Юю сел и первым делом заказал стакан ледяной воды, который выпил залпом:

— Фух, эти альфы, будто никогда не видели омег. Что за взгляды? Как мухи.

Юй Сяокэ, который обычно любил сплетничать, смущённо молчал перед вспыльчивым Цзян Юю. Цзян Юю перевёл взгляд на Тун Цинхэ:

— Ты действительно помечен. У вас двоих теперь есть альфы. Остался только я, одинокий пёс.

Юй Сяокэ не осмеливался убеждать Цзян Юю в этом отношении. Тун Цинхэ потрогал железу

на затылке:

— Чувствую себя хорошо. Просто... гон был очень мучительным.

Все три омеги глубоко сочувствовали этому. Больше всего, вероятно, Цзян Юю. Он отказывался искать альфу, даже на временную метку. В прошлом он постоянно вводил себе ингибиторы. Если бы его вовремя не доставили в больницу, он, вероятно, отдал бы свою жизнь Богу.

Цзян Юю спросил:

— Сяо Хэ, ты собираешься жениться?

Юй Сяокэ смотрел с любопытством. Редко какой омега отказывался от предложения альфы после метки. В это время они, как правило, очень зависимы от альфы.

Тун Цинхэ сам не знал, хочет ли он жениться. Услышав вопрос друзей сегодня, он снова начал колебаться.

Тун Цинхэ не стал отвечать. Они втроем болтали и играли в карты в баре. Тун Цинхэ позвонил Цзян Шаочжи. Он спросил, когда он собирается вернуться.

Шум дождя, барабанившего по зонту, был фоновым звуком со стороны Цзян Шаочжи. Тун Цинхэ предположил, что Цзян Шаочжи, вероятно, стоит под зонтом под дождём. Было уже довольно поздно. Цзян Юю и Юй Сяокэ предложили встретиться в другой раз.

Они вышли к входной двери. За Юй Сяокэ уже приехал его альфа. Цзян Юю жил по дороге к их дому, поэтому подсел к ним. Тун Цинхэ стоял у двери с коммуникатором, ожидая Цзян Шаочжи. Вскоре он увидел высокую, прямую фигуру, появившуюся под дождём. На нём была аккуратная, красивая тёмно-зелёная тренировочная форма. На голених всё ещё были привязаны два мешочка с песком.

Цзян Шаочжи, казалось, подстригся. Его волосы были ещё короче, тёмные и колючие, выглядел он бодро и аккуратно.

На ступеньках была вода. Цзян Шаочжи прошёл через воду и подошёл к Тун Цинхэ. Холодный, влажный пар смешивался со слабым запахом пота и очень низкой концентрацией сандала. Это было очень по-мужски.

Цзян Шаочжи передал зонт Тун Цинхэ и сказал:

— Участок дороги впереди временно закрыт для ремонта. Машина припаркована там. Я отнесу тебя.

Тун Цинхэ был в белых парусиновых туфлях. Если он наступит в воду на дороге, его ноги промокнут.

Он держал зонт. Внезапно его тело оторвалось от земли. Цзян Шаочжи поднял его, держа за колени, и посадил себе на плечи.

Тун Цинхэ вскрикнул дважды. Свободной рукой он обхватил голову Цзян Шаочжи. Короткие волосы альфы кололи его ладонь, вызывая зуд и покалывание.

— Дядя, скорее опусти меня, — тихо воскликнул он. Даже маленький отец и сестра никогда не носили его на плечах.

И он уже такой взрослый! Тун Цинхэ ещё больше растерялся. Он поболтал ногами. Цзян Шаочжи схватил его за лодыжку:

— Хороший мальчик.

Недолгий путь. Плотные струи дождя окутали их, словно отрезая от всего остального. Мир в водяной дымке стал сероватым. Только альфа перед ним становился всё более чётким.

Цзян Шаочжи был снисходителен к Тун Цинхэ. Он позволил маленькому омеге сидеть у себя на плечах и смотреть на мир выше и дальше. Он был старше Тун Цинхэ и мог дать ему как любовь, так и компенсировать ему раннюю потерю родителей, предоставляя ему самую лучшую, родительскую заботу и всепрощение.

Мгновенное озарение заставило Тун Цинхэ внезапно затихнуть. Его сердцебиение ускорилося. Рука, которая хватала Цзян Шаочжи за голову, стала нежно обнимать его.

Тун Цинхэ слегка опустил зонт, склонился и поцеловал Цзян Шаочжи в лоб. Его глаза смотрели на Цзян Шаочжи очень серьёзно. Он тихо, очень серьёзно сказал:

Он спросил:

— Дядя, если я передумаю насчёт отсрочки брака и захочу выйти за тебя замуж, ещё не поздно?